

Янь Шэнь медленно пришёл в себя и с некоторым смущением отнял руку. Он сунул лекарство в рукав Лу Силая, немного подумал и всё же достал Жетон Божественного Дракона.

— И всё-таки ты дурак. При тебе столько дарованных императором вещей, а ты покорно терпишь побои. Если Гуань Ваньхэ снова вздумает поднять на тебя руку, воспользуйся этим.

—... — Лу Силай чувствовал себя так, словно во рту стало горько. Вещей-то при нём хватало, и Гуань Ваньхэ действительно не посмел бы его тронуть, но ведь нашёлся тот, кто посмел! Впрочем, он решил промолчать и лишь молча спрятал жетон в рукав.

— Я приду навестить тебя завтра, — нежно произнёс Янь Шэнь на прощание.

Он уже сделал несколько шагов к выходу, но внезапно замер у самой решётки. Лу Силай недоуменно смотрел ему в спину, гадая, не заметил ли Премьер-министр чего-то подозрительного, но Янь Шэнь просто стоял, словно в забытьи. Спустя мгновение он обернулся, и Лу Силай увидел на его лице редкую, по-настоящему светлую улыбку.

В этот миг вечно хмурый, преждевременно постаревший Премьер-министр точно помолодел лет на двадцать. Под ошеломлённым взглядом Лу Силая Янь Шэнь с этой непривычно мягкой улыбкой проговорил:

— В уезде Фэншуй сейчас очень красиво. Хотелось бы когда-нибудь свозить тебя туда.

«...»

Лу Силай почувствовал, что его сердце готово разорваться от этого внезапного порыва нежности, а затаившийся неподалёку Чжао Цзинжэнь едва сдерживал ярость — он даже покраснел от гнева.

Стражники, ждавшие снаружи, увидели, как Премьер-министр размашистым шагом вышел из подземелья и скрылся вдали. Они уже подумывали зайти и запереть камеру Лу Силая, как вдруг изнутри донёсся глухой удар. Тюремщик бросился вниз, но стоило ему подойти к двери, как он услышал всхлипы и сбивчивые оправдания:

— У-у... Нас с Янь Шэнем связывает только дружба! Чистая, стальная дружба!

— Клянусь, клянусь... Я не чувствовал себя счастливым или вроде того! Слова Янь Шэня были такими... такими приторными! А-а, больно же! Ой-ой...

Если подумать, поместье господина Хэ Юйху в уезде Фэншуй было для Янь Шэня третьим

домом и единственным уцелевшим. Проведённые там дни были недолгими, но именно там его поддержал приёмный отец, Хэ Юйху, и к тем местам Янь Шэнь питал искреннюю привязанность. Не зря же он перевёз крестьянскую чету, приютившую его когда-то, в уезд Фэншуй, чтобы те могли спокойно дожить свой век...

Лу Силай вдруг вспомнил, что Янь Шэнь, несмотря на вечно недовольную мину, умел быть бесконечно благодарным тем, кто проявил к нему доброту. Когда-то Лу Силай всего лишь провёл его несколько миль по снегу, а тот искал его за это семь лет. Даже в случае с Чжао Цзинжэнем — при всей их лютой вражде с партией Наследного принца, Премьер-министр мог спокойно поговорить только с Князем Нинъяном. Должно быть, он всё ещё помнил, что именно тот когда-то взял его под опеку по воле умирающего отца.

А если бы он признался, что именно он — его спаситель, тогда бы... Лу Силай глупо заулыбался, но тут же пришёл в себя от увесистой затрешины. Перед глазами маячило искажённое гневом лицо Чжао Цзинжэня, служившее суровым напоминанием: нет, признаваться нельзя. Его имя само по себе было огромной проблемой.

Сейчас важнее всего было вымолить прощение. Лу Силай заискивающе улыбнулся:

— Славный князь, мы с Янь Шэнем...

Чжао Цзинжэнь, разъярённый, даже слушать не стал. Он схватил Лу Силая и грубо, тяжело поцеловал. Оторвавшись лишь на миг, он, не в силах унять гнев, впился в его губы снова и снова. Наконец, тяжело дыша, князь отстранился и крепко прижал Лу Силая к себе:

— Не смей больше говорить о нём.

«...»

— Забудь это имя. Навсегда.

Сказав это, Чжао Цзинжэнь медленно разжал объятия и, схватив Лу Силая за плечи, заглянул ему в лицо. Тот сидел с полуприкрытыми глазами, сохраняя совершенно отрешённый вид. У князя сердце начало уходить в пятки от этого равнодушия, как вдруг он вскинул голову, хитро подмигнул и выпалил:

— Янь Шэнь.

«...»

От былой печали не осталось и следа. Чжао Цзинжэнь схватился за лоб, из последних сил подавляя желание всыпать этому негоднику ещё раз.

Князь Нинъян редко выходил из себя, но, теряя самообладание, становился похож на разъярённого льва. К счастью, помня о ранах Лу Силая, он лишь немного пошалил руками и вскоре, раздражённо хмыкнув, ушёл.

Когда стражники заперли камеру и голоса стихли, Лу Силай снова растянулся на каменном ложе. Боль пониже спины немного утихла, поэтому он выудил из-за пояса нефритовую подвеску в форме веера и вскоре уснул, сжимая её в ладони. Тепло пальцев постепенно согрело прохладный камень.

На следующее утро Лу Силай чувствовал себя гораздо лучше, хоть ещё и не был готов к прыжкам. Помня, что сегодня должен состояться суд, он лежал на камнях, придумывая план защиты. Против Наследного принца у него приёмов не было, но неужели он не справится с таким тупицей, как Гуань Ваньхэ? Лу Силай уже предвкушал победу, но время шло, солнце клонилось к закату, а за ним так никто и не пришёл. Янь Шэнь говорил, что от заведения дела до заседания должен пройти минимум день, но шёл уже третий. В душе закралось недоброе предчувствие. Но страннее всего было то, что за весь день ни Наследный принц не пришёл поиздеваться, ни Чжао Цзинжэнь не явился сорвать на нём злость. Даже он, обещавший навестить, не появился.

Послышался скрип открываемой двери. Лу Силай с надеждой поднял голову, но увидел лишь тюремщика с ужином. Тревога нарастала.

— Братец стражник, — спросил он, приподнявшись, — скажи, в городе что-то случилось?

Тюремщик поставил скудную еду и покосился на него. Лу Силай, не раздумывая, сорвал с пояса драгоценный камень и бросил собеседнику:

— Говори быстрее, и я тебя не обделю.

Стражник ловко поймал камень, оценил блеск и, расплывшись в улыбке, ответил:

— Шестой принц поднял мятеж. Дворец в осаде, ни одна весточка не может просочиться наружу.

—... — Лу Силай вздрогнул. — А как же Премьер-министр? Что с императором? Где Девятый принц?

— Моё дело маленькое, я только в Министерстве юстиции сижу, откуда мне знать...

Лу Силай нахмурился и тут же швырнул стражнику ещё одну крупную нефритовую подвеску.

— Ох... — Тюремщик тут же согнулся в поклоне. — Знаю только, что человек, которого Премьер-министр послал к Третьему принцу за подмогой, был схвачен людьми Шестого

принца. Труп уже у ворот повесили. Где сам Премьер — неведомо. Покои императора оцеплены, никто не знает, что там творится. Но вы, Господин Линь, не извольте беспокоиться: с Девятым принцем точно ничего не случится...

Сердце Лу Силая сжалось, но вторая половина новости принесла облегчение.

— Правда? Сяо Цзю в безопасности?

— Господин Линь, дуракам всегда везёт. Сколько я в Министерстве юстиции служу, во дворце покоя не было: сегодня заговор, завтра — крамола... Вторые, четвёртые, пятые, седьмые и восьмые принцы уже все перевелись, а вот Первого и Девятого ни разу ни в одну беду не затянуло.

Лу Силай криво усмехнулся. Радость за Сяо Цзю мешалась с тревогой за Янь Шэня и старого императора. Вчера он говорил, что с прибытием Третьего принца всё разрешится — он поставил на него всё. Но теперь, когда гонец убит, они превратились в рыбу на разделочной доске.

А он заперт здесь и не может сделать ровным счётом ничего!

Лу Силай пристально посмотрел на грудь своих драгоценностей, гадая, рискнёт ли стражник выпустить его, если он отдаст всё. Но даже если он выберется, какую роль он сможет сыграть в этой кровавой дворцовой резне? Вздохнув, он взялся за палочки, но не успел сделать и двух глотков, как снаружи раздался голос: «Евнух Чжан!», а следом послышались шаги.

— Господин Линь, — в камеру вошёл молодой евнух. Он вскинул голову и надменно пропищал:
— Его Величество требует вас к себе.

Лу Силай провёл в императорских покоях полмесяца, но этого малого никогда не видел. Если весть о воле монарха приносит не человек из его личного окружения, ждать добра не приходится. Внутри у него всё похолодело.

Но выбора не было. Стражник отпер дверь, и Лу Силая, не слушая возражений, поволокли стражники, чью принадлежность он не мог определить.

Его и впрямь вели к императорским покоям. Издалека он увидел кольцо охраны. Ван Чэн стоял с обнажённым мечом у входа, а значит, Чжао Иинь тоже был где-то там! Если он попадётся на глаза Наследному принцу, живым ему не уйти. Лу Силай попытался вырваться и бежать, но тщетно — его крепко держали и волокли прямо к Ван Чэну. Тот бросил на него сложный, полный сочувствия взгляд, вздохнул и молча повёл конвой внутрь главного зала.

Зал был набит вооружёнными людьми. Чжао Иинь стоял в самом центре. Услышав шум, он обернулся и посмотрел с такой ненавистью, что та, казалось, могла резать плоть. Лу Силай

похолодел от ужаса, но Наследный принц, вопреки ожиданиям, не стал на него бросаться. Он лишь коротко бросил:

— Меняйте.

«Меняйте?»

Лу Силай не понял, к кому он обращается, но приказ был исполнен мгновенно. Те, кто вёл его сюда, отступили, и не успел он опомниться, как двое новых стражников мёртвой хваткой вцепились в его плечи и руки.

— А-а, больно! Ой-ой... — От их хватки кости едва не треснули. Лу Силай сразу понял: эти двое — мастера высокого уровня, а не простые солдаты. Скорее всего, это были люди из Школы Каменной Гробницы, переодетые в форму.

— Ведите его внутрь. Пользуясь моментом, прорывайтесь во внутренние покои.

По обрывкам фраз Чжао Ииня до Лу Силая наконец дошло: возможно, император действительно звал его. Но сейчас император забаррикадировался внутри, и Чжао Иинь не мог пробиться сквозь охрану. Он решил использовать Лу Силая как живой щит, чтобы войти в залу. Наследный принц, видимо, всё ещё опасался неудачи, поэтому жестом приказал Ван Чэну следовать за ними.

Лу Силай не мог и помыслить, что станет не помощником, а заложником. Страх ледяной волной накрыл его. Он понимал: жизнь фаворита ничего не значит для старого лиса на троне. Тот не задумываясь пожертвует им ради собственной безопасности.

«Проклятье... Кажется, мне конец!»

Вырваться из рук двух мастеров было невозможно, а сзади наступал Ван Чэн. Над головой Лу Силая сгустились тучи безысходности.

<http://bllate.org/book/17426/1697942>